

ФАТАЛИСТ ИГОРЬ СКЛЯР

Он уже научился смотреть на себя со стороны

Независимая пресса - 1994. - 12 стр. - с. 6.

Апогей популярности Игоря Скляра пришелся на середину 80-х. Ни одна роль не принесла ему такой ошеломляющей славы, как спетая им нехитрая песенка «На недельку до второго, я уеду в Комарово». Кочуя из фильма в фильм, с чарующей улыбкой он покорял сердца барышень. Лишь немногие знали, что в противовес экранным «обаяшкам» Игорь Скляр играл и драматически сложные роли в Ленинграде в театре Льва Додина. Потом наступил момент, когда Скляр как будто исчез с орбиты кинематографа.

И, может, поэтому его появление в фильме Семена Арановича «Год Собаки» стало не только открытием нового Игоря Скляра, но и своеобразным вторым рождением. В какой именно момент Скляр сумел остановить инерцию, способную засосать любого актера, и выскочить из оболочки очаровательных мальчиков — трудно сказать. Но сегодня перед нами — другой Игорь Скляр... За работу в фильме «Год Собаки» артист был признан лучшим исполнителем мужской роли на Открытом российском кинофестивале.

Марина Невзорова

Сами о себе

ИГОРЬ, то, что ваш герой в «Годе Собаки» ненавидит милицию, — понятно, странно было бы, если уголовник питал к ней нежные чувства, но когда следишь за вашей игрой, кажется, что у вас самого есть печальный опыт общения с нашими правоохранительными органами. Это так?

— У нас были гастроли в Киеве и параллельно я снимался в «Имитаторе». Брели мы как-то с другом пьяненькие часа в два ночи. Проспект Шевченко, идем тихо-тихо, не поем, не ругаемся. Вдруг слышу разговор: «Возьмем?». «Зачем?». «Да

глубоко убежден: что написано у меня на роду, то и должно быть. С Богом спорить нельзя, понимаете? Я играл в театре Ставрогина и не смог, я загнулся. Репетировали сцену, когда Шатов бьет Ставрогина по лицу. Додин говорит: «Нет, не верю». Рад, два, три... Я вышел из трюма и говорю: «Значит так, Лев Абрамович, если вы хотите репетировать удар, выйдите на сцену, и пусть вас по роже бьют». В зале тишина, все замерли. Додин хмыкнул: «Ну, хорошо, давайте следующую сцену». Все ждали, что же будет. Но ничего не было, потому что у меня со здоровьем совсем плохо стало, началось кровотечение. Это жуткая роль...

— Вам же очень трудно работать с Додиним. Почему не уходите из театра?

Игорь Скляр в гримерной перед премьерой спектакля «Бесы», поставленного Львом Додиним.

вроде пьяные». Подходят: «О (...), артисты. Это ты что ли «На недельку до второго»? «Да». «Ща машину вызовем». Спрашиваю: «За что, почему?». «В вытрезвоне тебе покажут, за что и почему». Присидели мы в отделении три часа. Приходит дежурный: «Ой (...), артист. Тебя-то за что?». Связался с каким-то там сержантом Перетютко: «Зачем привез?». Отпустили. Проходит два дня. После спектакля тьма народа хочет пообщаться с артистами. Где? Конечно, в гостинице, а туда, естественно, не пускают. Ну, меня ребята попросили договориться с администратором. Я договорился, на вахте два милиционера стоят, они меня узнали, попросили автограф, стоим разговариваем, и вдруг подъезжает желтый «бобик», и оттуда вылезает тот самый Перетютко, который меня повязал на проспекте Шевченко, и говорит: «Да шо ты с ним разговариваешь, давай его сюда». Милиционеры растерялись, а он меня начинает тащить в машину. Представляете, как душит ненависть, но я понимаю, что если ударю его — это срок. И тут он меня рукой по горлу — раз! После этого я думал сначала, что простудился, потом смотрю — петь не могу. А когда брился, увидел, что у меня кадык на сторону. Я к врачам ходил, они сказали, что перевернулся кадык, поэтому горло неправильно работает, а таких операций они не делают. Пока так и не зашел...

— А вы в жизни обид не прощаете?

— Вообще да. Я отходчивый человек и мелочи забываю, но по-крупному — нет. Если человек действительно совершил подлость, не прощу ни за что. Хотя приходится общаться, работать вместе, но эти люди для меня больше не существуют...

— У вас внутри появляется броня?

— Да. Это так же, как с женщинами. Я, например, недавно встретил свою бывшую подругу с другим человеком. И она для меня уже не существует, потому что мне достаточно посмотреть, кто рядом с ней. Меня это сразу убивает напрочь. Я по натуре, конечно, соревнователь. Прыгнуть выше, нырнуть глубже, побеждать быстрее — да, но когда дело касается души, я не соперник. Я отказываюсь от человека.

— Игорь, вы фаталист или делаете свою судьбу?

— Я ничего не могу сказать, потому что я верю в судьбу и

— А потому что другого такого режиссера нет.

— В какой-то степени он вас сделал...

— Ну, можно и так сказать...

— Жестоко довольно, на преодолении...

— Жестоко, корежа... Я в театре такие роли играю: убийц, насильников, юродивых, развратников. Нет ни одной «обаятельной» роли.

— Но, может, именно благодаря этому вы не застряли на «обаяшечках», которых вам в изобилии пришлось сыграть, и смогли выйти на совершенно новый, неожиданный для тех, кто не видел ваших работ в театре, виток?

— В общем, да. Но, с другой стороны, я с четырнадцати лет почти не изменился. Я думаю, что человек полностью формируется к этому возрасту. Сейчас я воспитываю сына, ему три года, и абсолютно убежден, что к четырнадцати годам он будет полностью сложившейся личностью. Так и я: каким я был, таким я и остался. В тринадцать лет я в первый раз переспал с женщиной, в четырнадцать хотел жениться.

— А таких женщин, как та, которую играет Инна Чурикова в «Годе Собаки», чистую, доверчивую, романтическую, вы встречали?

— Я Инну встречал. Я считаю, что это гениальная Женщина. Иных слов не найти, понимаете? Я очень люблю свою жену, но бесконечно счастлив, что встретил еще и Инну. Она для меня как старшая кузина, она очень многого меня научила. Я точно знаю, что у нас была любовь. Измены не было, а любовь была. Так сыграть нельзя. Когда я смотрел картину, то думал: да, этому человеку я бы поверил. Я могу так говорить, потому что уже научился смотреть на себя со стороны.

— Игорь, а жизнь для вас праздник или испытание?

— В основном праздник. У меня есть чем заняться.

— Например?

— Я люблю женщин, например.

— Кто же сомневался, это же прекрасно.

— Прекрасно, замечательно, удивительно. Нет большего удовольствия в этой жизни. Даже если моя жена прочтет когда-нибудь это интервью, она меня поймет, потому что она тоже Женщина и я ее за это люблю. Люблю красоту, мужчин красивых, женщин, море, деревья, цветы...

— А детей?

— Теперь, когда у меня сын, начинаю любить и всех остальных.

— А людей?

— По-разному очень. Иногда отношусь к ним с большой ненавистью, даже самому страшно становится, почему я такой. Особенно последние три-четыре года хочется взять автомат и стрелять. Но это другое дело, это беда нашей жизни. Почему-то во Франции или Англии люди у меня такого раздражения не вызывают, хотя тоже ходят медленно, все время чего-то жуют...

— Может, это от того, что у нас все меньше и меньше становится лиц?

— А лица то как раз стираются от того, что народ не занят делом. Самая большая беда наша в том, что мы так верим в себя, в свою территорию, свои богатства, что как-то заниматься делом... Да, фиг с ним, и так сойдет. А лица появляются только тогда, когда ты хочешь и умеешь что-то делать. У нас таких людей очень немного. Души в русском человеке хоть отбавляй. Достоевский говорил: «Широка душа, хорошо бы сузить». Истребили мастеров — и действительно не стало лиц. Есть, конечно, но какие-то непонятные, стертые. Почему я люблю деда своего, отца? Они в жизни умели очень хорошо свое дело делать.

— Кто они?

— Дед у меня часовщик в Кировградской губернии. Дед Миша. Со своим садом, ульями, медогонкой. Отец закончил с отличием МИСИ, его в Москве оставляли, но он вернулся домой. Он человек кристальной честности, в партию вступил по искреннему убеждению. Был главным инженером и ни разу не воспользовался машиной в личных целях. Он был в плену у немцев, всю семью угнали в рабочие лагеря, там он диабет себе заработал.

Я был и разболтаем, и отличником, потом двоечником, а сейчас вдруг замечаю, что с возрастом во мне проявляются отцовские черты. Я хочу хорошо делать свое дело, не знаю — талантливо, нет, но честно. Чтобы не стыдно было моему сыну потом сказать: это мой отец. Когда я маленький был, все время жалел, что у меня папа не футболист, а просто инженер. А потом оказалось, что это такой специалист... Он сейчас на пенсии, а его все время зовут. Он полгорода построил, церковь, которая стала падать, спас. Узнал я об этом совсем недавно. Я очень его люблю, хотя никогда об этом ему не говорил...

283